

ЮЖАНИН В ГАМБУРГЕ

Мой опыт интеграции

Геннадий Брагинский

Я выгляжу, как южанин. Этаким неопределённый южный тип. Тот, что в немецком языке обозначается словом "Sid länder". Когда я впервые прочёл это слово, оно вызвало у меня романтические ассоциации – южные земли, южные моря, солнце, пляжи. Но позже я обнаружил, что в газетах оно встречается чаще всего в разделе "Криминальная хроника".

Раньше, когда я жил в бывшем Советском Союзе, меня часто принимали за кавказца. Реже – за цыгана, особенно в студенческие годы, когда обрастал бородой и одевался во что попало. Причём, принимали не только русские, но именно кавказцы и цыгане. Во всяком случае, цыганки на улицах никогда не говорили мне: "Постой, дорогой, дай тебе погадаю!". Они лишь спрашивали иногда: "Ром?" – я отвечал: "Нет" и шёл дальше.

В Германии, в Гамбурге, где я живу сейчас, меня принимали за своего многие – от португальцев до персов, но чаще всего турки и арабы. Пару раз незнакомые женщины на улицах, поравнявшись, здоровались по-испански: "Буэнос диас!", и я машинально отвечал им: "Буэнос диас!".

Иногда распространители рекламы или Свидетели Иеговы, раздающие свои журнальчики на улицах, интересовались, откуда я прибыл, чтобы вручить текст на родном языке. Если я не торопился, то предлагал им попробовать угадать. Экскурс чаще всего принимал следующий ход. "Турция, Персия?". "Нет". "Армения, Грузия?". "Нет, но теплее". "А, Украина!". "Ещё теплее". "Ммм... Румыния, Болгария?". "Между Румынией и Украиной", – упрощал я их задачу. "А, Молдавия! Кишинёв!" – догадывались немногие знатоки географии. Название города, правда, звучало у них как "Ки́шинев", с ударением на первом слоге. Редкие энтузиасты пытались даже произнести название столицы маленькой страны по-

современному, по-румынски, как оно пишется теперь на географических картах: "Chisinau" – "Кишинэу". У них, однако, получалось "Хи-си-нау", так как они игнорировали "шапочки" и "хвостики" при румынских буквах. К сожалению, никто из встреченных мною немцев (а также англичан) не смог сразу выговорить "Кишинэу". После некоторой тренировки нужное произношение достигалось, но при этом они морщились, как от зубной боли, и признавались, что "Кишинев" произносить им гораздо легче, привычнее.

Однако из общей массы любопытствующих лишь немногие знали, что за страна Молдавия и где она находится. "Это где-то на Балканах?" – уточняли некоторые в лучшем случае, в худшем – предполагали её расположение между Эстонией и Литвой. Порой было непросто объяснить, где находится эта "terra incognita". Пожилые люди знали старое название этой территории – Бессарабия (Bessarabien), люди среднего возраста (после некоторых усилий) вспоминали одну из бывших советских республик – Молдавию (Moldawien), молодые люди часто вообще не могли понять, о чём идёт речь.

Если же я произносил нынешнее официальное название Республики Молдова на немецком языке – Republik Moldau, начиналась жуткая путаница. Дело в том, что название "Moldau" имеет в немецком как минимум три значения. Во-первых, так называется левый приток Эльбы, на котором стоит небезызвестный город Прага, столица Чешской Республики. По-чешски реку называют Влтава, но в немецкой истории, литературе, культуре – это "Moldau", а Прагу сами чехи называют "городом трех культур". Во-вторых, так же называется историческая область на востоке Румынии, между Карпатами и рекой Прут. Когда-

то, в средние века, она была частью Молдавского княжества, а позже объединилась с Валахией в единое государство, которое стало именоваться Румынией. И третье значение – это как раз государство в Восточной Европе, бывшая советская республика Молдавия, нынешняя Молдова, для названия которой в настоящее время в немецком языке употребляются названия "Moldawien", "Moldova", "Moldau". Услышав последнее, как призналась мне одна знакомая, каждый нормальный немец вспоминает скорее чешского композитора Сметану и его цикл симфонических поэм "Моя Родина", из которых самая известная – "Die Moldau".

Чтобы упростить дело, я иногда говорил случайным попутчикам, что прибыл из России. Это обычно снимало все дальнейшие вопросы. Обычно, но не всегда. Иногда следовало продолжение: "О, у меня мама родом из Восточной Пруссии!", или "Мой отец воевал там", или "А, я был в Москве и Санкт-Петербурге", и беседа могла продолжиться. Кроме того, некоторые "антропологи-любители", обычно пожилые люди, скептически глядя на меня (вид-то не русский!), уточняли: "Вы непосредственно из России или из разных там республик?". "Из разных, из Молдавии". "А-а, Молдавиен!" – скучающий пенсионер получал возможность блеснуть знаниями географии или же задавать дальнейшие вопросы.

Россию знают все. По крайней мере те, кто читает газеты или смотрит телевизор. Сообщаемые в местных средствах массовой информации новости из России – это чаще всего сообщения о холодах, катастрофах и других напастях, не позволяющих расслабиться "добропорядочным бюргерам". Помню случай, когда в начале эпохи гласности и перестройки я присутствовал на одной из площадей Кишинёва при стихийной дискуссии о будущем Молдовы. Обсуждалось "к кому ей склонить голову" и выражалась надежда, что "запад нам поможет". Большинство надеялось на общение с "западом" по принципу: "Мы вам – салам, вы нам – салами". Проходивший мимо старик еврей, услышав эти сентенции, остановился и сказал: "Запомните: помогать будут только России, и то, пока их ракеты не заржавеют". Я вспоминаю его слова всякий раз, когда читаю в газетах информацию о выделении России средств на уничтожение химического оружия или утилизацию отслуживших свой срок атомных подводных лодок. Ну, а Молдова теперь независимая. Как шутит один мой земляк – самая независимая в Европе (в том смысле, что от неё ничего не зависит). И – уже без шуток – самая бедная: средний ежегодный доход в расчёте на душу населения в 2004 году составил 280 евро – последнее место в Европе.

Надев берет (шапку басков, как его называют

немцы и французы), я становлюсь похожим на француза. Это отмечали не только немцы, но также и французы. Одного из них, с которым довелось вместе работать, я спросил при этом, приложив два пальца к берету: "На какого француза я похож? Может, партизана? Маки?". "Маки? Нет", – ответил он, – "уж больно ты круглый. Тебе бы похудеть килограммов на пятнадцать". А чуть позже, когда в процессе работы я случайно наступил ему на ногу, он, несмотря на мои извинения, пробурчал: "Хоть ты и похож на француза, это не дает тебе права наступать мне на ноги".

Выше уже упоминалось, что чаще всего меня принимали за своего турки и другие мусульмане (арабы, персы, афганцы). В самом начале моего пребывания в Гамбурге это казалось просто удивительным. Практически все встречавшиеся мужчины говорили: "Салам алейкум!" или просто "Салам!". Я таким же образом отвечал на приветствие, но старался не останавливаться, так как ещё плохо говорил по-немецки, а на других языках мы бы вряд ли смогли общаться. Но когда я заговорил на немецком, это всё равно не помогло подобным уличным беседам, поскольку они быстро прекращались, когда выяснялось, что я не турок (не араб, не иранец и т.д.). Прекращались не по моей вине – мне-то уже было интересно поболтать с незнакомым человеком – не было желания у моих собеседников.

Вспоминается один характерный случай. Шёл я как-то по улице в центре города, и вдруг с другого края тротуара мне навстречу поспешил пожилой мужчина. Протянул для приветствия руку, заговорил по-турецки. Я механически также протянул ему руку, но из сказанного им понял только слово "эфенди" – одно из пяти-шести известных мне турецких слов, означающее вежливое обращение к мужчине. Он энергично тряс мою руку, улыбался и продолжал что-то говорить, пока я свободной рукой и покачиванием головы дал ему понять, что не понимаю его. Он ослабил рукопожатие, но руку не отпустил и спросил уже по-немецки: "Вы не понимаете по-турецки? Вы не турок?". "Нет", – ответил я. Рукопожатие ещё ослабло. "Араб?". "Нет". Его рука продолжала слабеть. "Мусульманин?" – спросил он с остатками надежды в голосе. "Нет". Тут он, наконец, резко выпустил мою руку и, не попрощавшись, пошёл своей дорогой. Разочаровался. А ведь как тепло поначалу приветствовал.

Узнав, что я из бывшего СССР, оживлялись многие афганцы. Они попали в Германию большей частью через бывшие советские республики и немного знали русский. Им хотелось эти знания продемонстрировать, даже если в памяти сохранилось совсем немного слов. Многие

вспоминали о своей жизни в СССР с теплотой, особенно те, кто провел там студенческие годы.

Почему мусульмане принимают меня за своего, выяснилось очень скоро. Мы приехали в Гамбург поздней осенью, и с наступлением холодов я стал носить привезённую с собой вязаную шапочку. Я к ней привык и предпочитал меховым шапкам. Она была однотонная, ручной вязки, в метро или автобусе её можно было легко упрятать в карман. А на улице, как оказалось, в таких круглых вязаных шапочках ходят только мусульмане. Эта шапочка, а также окладистая борода, которую я тогда носил, делали внешнее сходство почти стопроцентным. Причём, я походил не просто на рядового мусульманина, а на какого-то муллу или другого религиозного иерарха. Это можно было предположить по тому, что со мной часто не просто здоровались, а подобострастно раскланивались, молитвенно складывая руки на груди.

Однажды мы с женой были на какой-то выставке-продаже и, переходя от лотка к лотку, подошли к прилавку, за которым торговал молодой мусульманин. Вначале он не обратил на нас внимания, так как был занят покупателем, говорившим по-немецки с сильным польским акцентом. Потом, когда клиент отошёл, он нагнулся под прилавок, чтобы достать новую партию товара, а мы в это время встали на место поляка. Когда продавец выпрямился и поднял глаза на меня, он изменился в лице и быстро опустил коробки на прилавок. Глаза его расширились, он стал что-то бормотать и часто кланяться, раблепно прижимая руки к груди. Удивившись такой неадекватной реакции, я сказал ему: "Работайте, работайте" и сделал руками успокаивающий жест, как бы предлагая ему сесть. После этого мы поспешили отойти, и жена спросила: "Что это с ним?". "Понятия не имею. Возможно я похож на какого-то мусульманского священнослужителя".

Этот случай переполнил чашу терпения моей жены. Она стала настойчиво уговаривать меня сбрить бороду, усы и не носить вязаную шапочку. До этого я отшучивался, предлагая ей повязать хиджаб (мусульманский женский платок), чтобы мы вдвоём были похожи на счастливое мусульманское семейство. Сходство подчёркивалось бы ещё тем, что, когда мы идём вместе, я шагаю широко и все время выбиваюсь вперед, а она семенит сзади. Это характерно для патриархальной мусульманской семьи. Я наблюдал такие сцены, например, в Средней Азии. Причём, иногда они проявлялись в крайней форме – муж ехал впереди на осле, а жена плелась сзади с большущей вязанкой хвороста на плечах. При этом она спокойно и даже весело разговаривала с

мужем, а я никак не мог понять, почему бы им не погрузить вязанку на осла.

Поддавшись уговорам жены, я бороду сбрил. Усы, конечно, оставил. Их я не сбрую ни при каких обстоятельствах. В конце концов, это вторичные половые признаки. Без бороды моё сходство с мусульманами уменьшилось примерно наполовину. Потом я перестал носить свою любимую вязаную шапочку, и моё сходство ещё уменьшилось. Но не исчезло. Ко мне ещё обращаются иногда на улицах незнакомые люди на экзотических языках, но я отвечаю им только по-немецки. Однажды ответил не по-немецки, и вот что из этого получилось.

После года проживания в общежитии (это житьё-бытьё заслуживает специального описания) мы переселились, наконец, в отдельную квартиру. Решили это дело отметить, накрыли праздничный стол. Вдруг жена вспомнила, что забыли купить зелень, а без неё "глаз не радуется", и послала меня за покупкой. Новый район города был мне незнаком, и я поинтересовался у старушки-соседки, где можно купить зелень. Она ответила, что за углом есть марокканская лавка. Я отправился туда, обнаружил лавку и скучающего из-за отсутствия покупателей хозяина. Будучи в приподнятом настроении (аперитив уже был принят), решил поприветствовать его на родном языке: "Салам алейкум!". Он страшно обрадовался, ответил мне тем же и затараторил дальше по-арабски. Я стоял и улыбался, но через минуту-другую жестом остановил его и предложил говорить по-немецки. "Как, ты не знаешь родного языка?" – удивился он. – "Нет". – "Ты не араб?". – "Нет". – "Откуда ты?" – "Из России". – "Из России?" – брови его поползли вверх. – "Да, а ты – из Марокко". – "Да! Откуда ты знаешь!?" – глаза его округлились. – "Я всё знаю. В России я работал в КГБ", – решил я отшутиться. – "В Ка-Ге-Бе?" – глаза его стали совсем круглыми. – "Да, но сейчас я хочу только купить у тебя пучок зелени, есть у тебя свежая?" – "Конечно, конечно, сколько угодно". Я купил и ушёл. Но! Каждый раз, когда я впоследствии проходил мимо его лавки, он заговаривал со мной по-арабски. Иногда я напоминал ему, что я из России, чему он всегда удивлялся: "Но ведь ты же когда-то говорил со мной по-арабски!". В конце-концов мне надоело объясняться, и я стал обходить его лавку стороной. Потом торговля пошла у него туго, лавку он закрыл и устроился расклейщиком афиш. Однажды я остановился у светофора, а он подъехал на своём грузовичке, притормозил и, высунувшись из окна, крикнул: "Привет! Ну как там у вас в Турции?" – "Отличная погода!" – успел я крикнуть в ответ.

Как уже упоминалось выше, моя жена "атаковала"

мои усы. Она утверждала, что с ними я похож на лидера Курдской рабочей партии Абдуллу Оджалана (тогда он был ещё на свободе) и из-за этого попаду в какой-нибудь переплёт. Я же отвечал, что похожи только усы и меня никто не испугается. Вот если натянуть на себя военную форму, да ещё взять в руки самурайский меч, тогда растревоженные граждане точно обратят на меня внимание полиции. Шутки шутками, но однажды мой вид показался полиции подозрительным. Правда, произошло это не из-за усов и не в Германии, а в Израиле, в Хайфе.

Мы с женой прилетели туда на пару недель из Гамбурга, чтобы присутствовать на свадьбе дочери. Свадьба прошла прекрасно, а через пару дней мы помогли молодожёнам-студентам переезжать в отдельную квартиру семейного общежития Хайфского Техниона. Территория технического университета довольно большая, молодые люди отправились на машине за своим имуществом в старую квартиру, моя жена стала наводить порядок в новой, а я получил задание выколотить пыль из большого ковра, а потом проветрить и прогреть его на солнышке. Отойдя в сторонку от домов, я задание выполнил и, оставив ковёр на солнце, расположился в тени пыльной пальмы, что росла у дороги.

Внезапно, откуда ни возьмись, ко мне "подлетел" полицейский джип с включённой "мигалкой". Не знаю, случайно ли подъехал ко мне полицейский или его вызвал кто-то из соседей, перепутавших выбивание ковра с серией одиночных выстрелов. Однако профилактику и осторожность в тех условиях следует признать абсолютно оправданными – во время нашего пребывания в Хайфе террористкой-смертницей был взорван ресторан "Максим", где погибло более двадцати человек.

"Коп" был возбуждён. Сначала обратился ко мне на иврите. Я по-английски ответил, что не понимаю его. Он спросил по-английски, кто я такой – я назвал фамилию. "Документы у вас есть?" – "При себе нет", – я стоял в шортах и в майке. "Что вы здесь делаете?" – "Помогаю дочери переезжать в новое общежитие". – "Где ваша дочь?" – "Поехала

за вещами в старое общежитие". Понемногу я начал нервничать, прежде всего потому, что по-английски уже несколько лет не говорил и всё время "срывался" на немецкий. Первое время в Гамбурге было наоборот – хотел говорить по-немецки, а из меня "выскакивал" английский. Но полицейский, кажется, на это внимания не обратил. Он немного успокоился, убедившись, что по внешнему виду и акценту я на террориста не похож. Что-то ещё интересовало его, и вдруг он спросил: "Вы грузин?". "Нет, русский" – ответил я машинально и подумал, что надо бы объясниться, а потом решил, что не стоит: каков вопрос, таков ответ.

"Ну, хорошо, – сказал полицейский, – оставайтесь здесь, пока приедет ваша дочь. На обратном пути я хотел бы поговорить с ней". – "Окау, по problem", – отвечал я бодро, обрадованный окончанием "опроса".

Он отъехал, а я стал ждать дочь и размышлять над тем, как же это происходит в моей судьбе, что я "свой среди чужих и чужой среди своих". Затем приехали дочь и зять, я рассказал им, что произошло, и спросил, долго ли мы должны здесь ждать полицейского. Они резонно отвечали, что надо разгружать и заносить в квартиру вещи, а полицейский, если захочет, обнаружит нас за работой. Прихватив ковёр, мы приступили к делу. Полицейский же так и не появился, очевидно, поехал искать настоящих поклонников актов индивидуального террора.

На следующий день мы уже увеличенной семьёй гуляли по Хайфе. Любовались видом Хайфского залива, горы Кармель, Бахайским храмом и парком вокруг него, современными зданиями современной архитектуры. Недалеко от порта нам вдруг повстречался припаркованный в тупике тягач, груженный контейнером гамбургской пароходной компании "Hamburg Süd", о чем свидетельствовала надпись аршинными буквами на борту. Внезапно увидев эту картину, мы с женой практически одновременно, не стовариваясь, воскликнули: "О, Гамбург!" – и, почувствовав что-то родное, домашнее, поспешили сфотографироваться на этом фоне.

* * *

Ein richtiger Mann vergisst den Geburtstag der geliebten Frau nicht, weiß aber nicht genau, wie alt sie ist. Der Ehemann aber weiß genau, wie alt sie ist, vergisst aber stets ihren Geburtstag.

Faina Ranewskaja

Настоящий мужчина – это мужчина, который точно помнит день рождения женщины и никогда не знает, сколько ей лет. Мужчина, который никогда не помнит день рождения женщины, но точно знает, сколько ей лет, – это ее муж.

Фаина Раневская